

УДК 17, 090005

Коробов А.Ю.*Воронежский государственный университет***ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ¹**

Аннотация. В статье язык философии получает характеристику как особая разновидность русского научного языка. Рассматривается вопрос о связи языка философии и философией языка. Утверждается, что философия языка занимается языком народа, но не языком философии, поэтому для рассмотрения собственно философского языка и его типов необходима отдельная дисциплина. Такой дисциплины, однако, на сегодняшний момент не существует и не может существовать, поскольку язык философии и есть сама философия. Выявляется различие между разными типами философских языков, которые зависят от типа самой философии, поскольку язык философии соответствует предмету философии. Делается вывод, что русской философии более свойственен философский язык, тяготеющий к художественности. Русская философия тяготеет к литературе, из которой она рождается. В этом смысле очень важен вопрос о переводе с художественного языка на философский. В результате этого перевода рождается особый язык русской философии.

Ключевые слова: русская религиозная философия, русский философский язык, художественный текст, перевод, Бахтин, Достоевский.

A. Korobov*Voronezh State University***PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND LANGUAGE OF PHILOSOPHY**

Abstract. The article characterizes the Russian philosophical language as a special type of the language of science. The issue of the relationship between language of philosophy and the philosophy of language is considered. The author argues that the philosophy of language deals with the national language, but not metalanguage of philosophy, thus a special discipline is required to research the philosophical language and its types. However at present such discipline does not exist and is not possible, as the language of philosophy is philosophy itself. Different types of philosophical languages are identified, depending on the type of philosophy, because the language of philosophy corresponds to the subject of philosophy. It is concluded that Russian philosophy is more inclined to artistic philosophical language as Russian philosophy tends to literature from which it is born. In this respect a very important question arises about the translation from the literary language to the philosophical one emerging as a result of this translation.

Key words: Russian religious philosophy, the language of Russian philosophy, literary texts, translation, Bakhtin, Dostoevsky.

¹ Материал отражает точку зрения автора и публикуется в порядке научной дискуссии
© Коробов А.Ю., 2014.

Язык несёт в себе мудрость¹. Но эта мудрость языка не есть философия. Вот почему философия языка не занимается языком философии, так как язык философии выражает философию, а не мудрость языка, которую отражает язык. Чтобы исследовать язык философии, по сути нужна соответственно философия языка философии. Но такого подраздела нет и никогда не существовало в философии, более того – такой раздел даже и не нужен, и это знаменательно. Конечно, философия не может вообще не обращать внимания и не считаться с мудростью языка, с тем, что несёт в себе язык сам по себе, ибо она не может не обращать внимания и не считаться с языком, который есть для неё почва. Почва – да, *но зерно философии*, само это философское зерно, прорастающее в родной почве языка, – откуда оно? Разве из почвы оно? Кто его уронил, забросил к нам? И не забрасывается ли оно в мир вместе с человеком, вслед ему или даже чуть раньше его, так что затем само находит его в мире?..

«Глубоко рой там, где пришлось тебе стоять, ведь в недрах клад!», – писал Ницше. Это философское зерно есть иное для почвы (клад и есть иное, ибо его зарывают), и хотя оно усваивает все соли и минералы почвы, в которую оно упало, хотя оно возвращается в этой почве, тем не менее, вырастает из этого зерна цветок, совсем не свойственный этим местам, и стремится он

¹ В.В. Библихин писал, что ум языка прям и неведом нам по существу, «в нём мудрость самой земли, которой глупость не противоположна. Надо заглянуть туда – странно сказать куда: в то, что мы сами говорим каждый день. Могло ли такое случиться, что суть говоримого нами проходит мимо нас, что язык без нас несёт что-то своё?» [1, с. 66].

вверх, к небу, туда, откуда он упал. Он стремится преодолеть почву, пусть и родную, но тем не менее здешнюю, тянущую его вниз, к себе и к своей мудрости. Точно так же и философский язык, хотя и усваивает в совершенстве язык почвы, родной национальный язык, всё равно борется с этим родным языком, стремясь вырваться из него, из родного – к вселенскому. Этот язык, как пишет Вл. Варава, «язык, исходящий из корней Бытия, написанных кровью, светом и болью; язык, добытый подвигом хождения по родной земле, по отчему краю, по корневым структурам сущего, по тому месту, где произошло чудо явленности каждого в мир» [2, с. 36], – этот самый язык несёт в себе нечто, что хочет вернуться к корням Бытия. Несёт в себе нечто или сам является этим нечто? Если философия никогда не говорит своим собственным чистым языком, то не значит ли это, что язык философии есть сама философия? Именно так утверждал Мартин Хайдеггер, который прозрел уникальную диалектику Бытия как почвы и как неба – как почвы, из которой исходит язык, как неба, к которому язык стремится после своего исхода. Так же, как и человек! (Человек не есть ли язык?)

Смотря на философский язык сугубо эмпирически, мы теряем эту диалектику и впадаем в пессимизм по поводу возможности национального философского языка и национальной философии и – как следствие – по поводу философии вообще. Как пример такого пессимизма можно привести мысли профессора А.Г. Дугина. Когда он в своей книге о возможности русской философии задаёт вопрос: «Если философия связана со структу-

рой языка, то почему такой большой и культурно самобытный сегмент индоевропейцев, как славяне, способные построить, защитить и увеличить мощные независимые державы, не выработали чего-то даже отдалённо похожего на философию других индоевропейских обществ, находившихся под их влиянием?» [5, с. 38], – то он игнорирует как раз эту диалектику между почвой и небом, между почвой и зерном, между почвой языка и его почвенной мудростью – и тем философским зерном, которое, прорастая в этой почве, деформирует её и преобразует. Философия связана со структурой языка, но эта связь очень проста. Она есть – это наверняка. Но что первично? Или, иначе, кто кого выбирает – язык философию или философия язык? Нужен ли этот вопрос вообще? Ведь если мы констатируем факт беспочвенности философии как таковой или вброшенности её в мир вместе с человеком, то нам совершенно без разницы, в какой почве философия возрастает и с каким языком имеет дело, ибо внутри любого национального языка философия будет стремиться вырваться – выразить универсальную Истину.

Интерес представляет мысль другого современного отечественного философа Фёдора Гиренка. Поскольку для Гиренка язык – не дом бытия, а только проходной двор, постольку мысль для него не зависит от языка. «Мысль подчинена логике. Язык подчинён грамматике. Из грамматики языка, как из скорлупы, нужно учиться извлекать мысль, если она в нём есть. Мысль не зависит от языка. Если бы она зависела от него, то тогда с изменением языка менялась бы и мысль. Но языком изменённая мысль перестаёт быть мыс-

лью, ибо она теряет тождество с бытием, приобретая тождество с языком. Слова и язык не играют никакой роли в механизме мышления <...> Бытие – не в грамматике языка, а в мысли» [3, с. 13]. Гиренко утверждает, что язык – «всего лишь репрезентация в слове того, что уже было сделано умозрением в красках во времена первобытного шизофреника» [3, с. 95], потому язык – вовсе не дом бытия, и, лишаясь поддержки языка, мы ничего не теряем, «ибо нас поддерживает выходящее за его пределы означающее себя означаемое» [3, с. 144]. «Язык – это, конечно, не дом бытия, а проходной двор, прибежище для ничто» [3, с. 271]. Бытие сталкивается с этим *ничто* в языке, а результат этого – отделение познания от познаваемого, сознания от познаваемого, разрыв между человеком и тем, что он сознаёт. Сознание становится предметным, и хотя Гиренко подробно не раскрывает эту свою мысль, она весьма напоминает объективацию Бердяева. Надо полагать, что такой раскол в сознании не устраивает философа, поэтому он пишет: «Для того чтобы понять сознание, нужно срезать его языковой нарост. <...> Сознание без «о» становится неозначенным и беспредметным» [3, с. 334]. Однако в итоге Гиренко приходит к выводу, который не подтверждает его предыдущие рассуждения о языке, не несущем, согласно им, в себе ничего, но, наоборот, ставит лишь вопрос. Каждое слово, пишет философ, это жук в коробке. «А поскольку никому нельзя посмотреть на жука, постольку все думают, что жук – это то, что у него в коробке, и с этой мыслью вступают в социальную коммуникацию. Но то, что находится в коробке, вообще не при-

надлежит языку» [3, с. 335]. Почему не принадлежит? Ежели мы не знаем, что на самом деле находится в коробке, значит, для нас остаётся тайной также и происхождение того, что в ней находится. Однако Гиренок на протяжении всей книги рассуждал как раз о том, что язык выражает такие вещи, которые открываются уже доязыковым сознанием, поэтому здесь очевидно противоречие, о котором автор говорит в последних сроках своей книги: «Начиная писать эту книгу, мне казалось, что я понимаю кое-какие вещи. Заканчивая работу над ней, я понимаю, что оказался в сумеречном лесу, выбраться из которого нет никакой возможности» [3, с. 335]. Действительно ли нет никакой возможности выбраться из этого сумеречного леса? И надо ли выбираться? Философия не есть ли такой бесконечный сумеречный лес, из которого философу нет никакой возможности выбраться, но из которого он и не стал бы выбираться, предстань пред ним такая возможность?

Итак, у нас есть философский лес, по которому бродит философ. Объективно этот лес растёт, и за годы странствий картографию его приходится переделывать. Гиренок настаивает на том, что эта картография должна быть дословна, т. е. вообще не должна быть составлена, но всегда должна оставаться составляющей¹. Такая картография – философская система, которая никогда не будет завершена

¹ Ф.И. Гиренок в своей книге «Пато-логия русского ума. Картография дословности» [4, с. 17-18] как раз рисует столкновение слова и дословности, которое сильно в русской философии. Русский философ стремится к дословности, этим объясняется тяготение русских философов к несистемному типу философствования.

как система, но будет раз за разом начинаться и заново проговариваться в каждом философском акте. Иными словами, выбраться из леса, в который нас завёл Гиренок, нет необходимости, поскольку нахождение в нём предполагает сама его философия языка и сознания.

Однако есть ли возможность выбраться из леса? Да, и именно такую возможность обнаружила философия языка. Чем занимается философ языка в нашем философском лесу? Изучением почвы. Изучением того, что зарыто в той почве, на которой растёт лес. Так называемый лингвистический поворот в режиме этой метафоры представляет собой отказ от геологических исследовательских работ по обнаружению почвенной мудрости языка и стремление выйти поскорее из леса, дабы изучать структуру и свойства почвы, свободной от философской растительности, сидя в аккуратной и хорошо освещённой филологической лаборатории. Но такие исследователи неизбежно теряют философию и уходят в лингвистику. Они раскапывают и перекапывают язык, вместо того чтобы самим вкапываться в него. Библихин писал, то язык задевает нас больше, чем мы думаем, и что «принять от него обиду, когда он нас разоблачает, большая удача» [1, с. 196]. Что значит принять обиду от языка? Не значит ли это столкновение мудрости языка с философской мыслью? И как тогда может претерпеть обиду от языка лингвистический философ, который разбирает язык как структуру, как грамматику? Как тогда язык может разоблачить его, ежели такой философ не сталкивается напрямую с тем, чем нас может задеть язык?

Так, например, одна из самых значительных проблем в философии языка – это проблема переводимости с одного языка на другой, и здесь мы всегда сталкиваемся с дилеммой. Во-первых, при переводе с одного языка на другой, например, с немецкого на русский, мы всегда сталкиваемся с непереводаемыми оттенками смыслов, с концептами, свойственными этим языкам, одним словом – с различием языковых мудростей: немецкий язык мудр иначе, чем русский. Во-вторых, при переводе с одного языка на другой, например, с художественного языка на научный, мы сталкиваемся с непереводаемостью мысли, которая слита со своею формой. Эту проблему очень метко подметил Хайдеггер, когда, разбирая подробно философию Ницше, предостерегал извлекать из Заратустры некую «теорию»: «легко можно решить, что перед нами философская мысль, выраженная поэтически, однако в ракурсе расхожих представлений нельзя решить, где здесь поэзия, а где собственно мысль, потому что это заново определяется самим произведением или же только возвещается» [6, с. 250]. Та же проблема становится ещё более очевидной на примере

«духовного брата» Ницше – на примере Достоевского, которого переводят на язык науки, на философский язык: определить, где здесь мысль, а где художественное оформление, ещё труднее. Но главное, что в зазоре этой проблемы мы всегда сталкиваемся с самим языком и с его мудростью, которая может нас задеть. Но задает ли она нас?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература / Отв. ред и сост. О.Е. Лебедева. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 416 с.
2. Варава В.В. Живущих и ушедших встретить. О творчестве и отчем крае писателя Виктора Будакова: монография. – Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2007. – 126 с.
3. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. – М.: Летний сад, 2012. – 336 с.
4. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: Аграф, 1998. – 416 с.
5. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: Возможность русской философии. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. – 512 с.
6. Хайдеггер Мартин. Ницше. Том 1 / Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. – СПб.: ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2006. – 608 с.